

Nota explicativa

Por ocasião do Discurso

sobre Púchkin

Fiódor Dostoiévski

Tradução: Camila Alves Azeredo Pereira¹

Дневник Писателя

Diário de um Escritor

Ежемесячное издание

Edição Mensal

Год III

Ano III

Единственный выпуск на 1880

Edição única de 1880

АВГУСТ

AGOSTO

ГЛАВА ПЕРВАЯ

PRIMEIRO CAPÍTULO

Объяснительное слово по поводу
печатаемой ниже речи о Пушкине

Nota explicativa por ocasião do
discurso sobre Púchkin²

Речь моя о Пушкине и о
значении его, помещаемая ниже и
составляющая основу содержания
настоящего выпуска «Дневника
писателя» (единственного выпуска за

Meu discurso sobre Púchkin e sua
importância foi proferido em 8 de junho
deste ano em reunião solene da
Sociedade dos Amantes das Letras
Russas, na presença de um público

¹ Graduanda do curso de Licenciatura em Letras Português-Russo.

² No original se lê Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине (Nota explicativa por ocasião do discurso sobre Púchkin impresso, mais abaixo). Contudo, nesta tradução não consta o discurso. Uma tradução do discurso sobre Púchkin pode ser encontrada na Antologia do Pensamento Russo, publicada pela Editora 34, organizada por Bruno Barreto Gomide.

1880 год*), была произнесена 8 июня сего года в торжественном заседании Общества любителей российской словесности, при многочисленной публике, и произвела значительное впечатление. Иван Сергеевич Аксаков, сказавший тут же о себе, что его считают все как бы предводителем славянофилов, заявил с кафедры, что моя речь «составляет событие».

Не для похвалы вспоминаю это теперь, а для того, чтобы заявить вот что: если моя речь составляет событие, то только с одной и единственной точки зрения, которую обозначу ниже. Для сего и пишу это предисловие. Собственно же в речи моей я хотел обозначить лишь следующие четыре пункта в значении Пушкина для России.

1) То, что Пушкин первый своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем своим отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом. Он отметил и выпукло

numeroso e provocou impressão significativa. Ivan Serguéievitch Aksákov, que disse sobre si mesmo que todos o consideram o precursor dos eslavófilos, anunciou do púlpito que meu discurso “consiste num acontecimento”.

Não é para me gabar que me recordo disso agora, mas para declarar o seguinte: se meu discurso é um acontecimento, então o é apenas a partir de um único ponto de vista, o qual apresentarei mais abaixo. Para isso é que eu escrevo este prefácio. Em meu discurso, quis propriamente assinalar somente os seguintes quatro pontos da importância de Púchkin para a Rússia:

1) Púchkin foi o primeiro que, com seu espírito profundamente perspicaz, genial e seu coração genuinamente russo, encontrou e destacou o mais importante e doloroso fenômeno de nossa comunidade intelectual, que foi historicamente removida de seu solo e se elevou sobre o povo. Ele ressaltou, e de um modo expressivo, colocou diante de

поставил перед нами отрицательный тип наш, человека, беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы её не верующего, Россию и себя самого (то есть свое же общество, свой же интеллигентный слой, возникший над родной почвой нашей) в конце концов отрицающего, делать с другими не желающего и искренно страдающего. Алеко и Онегин породили потом множество подобных себе в нашей художественной литературе. За ними выступили Печорины, Чичиковы, Рудины и Лаврецкие, Болконские (в «Войне и мире» Льва Толстого) и множество других, уже появлением своим засвидетельствовавшие о правде первоначально данной мысли Пушкиным. Ему честь и слава, его громадному уму и гению, отметившему самую большую язву составившегося у нас после великой петровской реформы общества. Его искусному диагнозу мы обязаны обозначением и распознаением болезни нашей, и он же, он первый, дал и утешение: ибо он же дал и великую надежду, что болезнь эта не

nós um tipo negativo nosso, um homem que se inquieta e não se conforma, descrente de sua terra natal e das forças da nação, um homem que, no fim das contas, nega a Rússia e a si mesmo (isto é, a própria sociedade, a própria camada intelectual que surgiu sobre a nossa terra natal), que, no fim das contas, nega-se, que não deseja colaborar com outros e sofre sinceramente. Alieko e Oniéguin deram origem posteriormente a uma multidão de tipos semelhantes na nossa literatura. Depois deles, apareceram Petchórin, Thitchikovs, Rudins e Lavretskis, Bolkonskis (em “Guerra e Paz”, de Liev Tolstói) e muitos outros que, com seu surgimento, já testemunhavam a verdade dada originalmente por esse pensamento de Púchkin. Honra e glória a ele, ao seu grande intelecto e genialidade, que chamou a atenção para a úlcera mais dolorosa da sociedade formada em nosso país, após a grande reforma de Pedro. Devemos ao seu hábil diagnóstico a designação e o reconhecimento de nossa doença para a qual ele também foi o primeiro a dar consolo: pois foi ele que deu grande esperança de que essa doença não era fatal, e que a sociedade russa poderia ser curada, renovada e

смертельна и что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится к правде народной, ибо

2) Он первый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшейся в народной правде, в почве нашей, и им в ней отысканные. Свидетельствуют о том типы Татьяны, женщины совершенно русской, уберёгшей себя от наносной лжи, типы исторические, как, например, Инок и другие в «Борисе Годунове», типы бытовые, как в «Капитанской дочке» и во множестве других образов, мелькающих в его стихотворениях, в рассказах, в записках, даже в «Истории Пугачевского бунта». Главное же, что надо особенно подчеркнуть, - это то, что все эти типы положительной красоты человека русского и души его взяты всецело из народного духа. Тут уже надобно говорить всю правду: не в нынешней нашей цивилизации, не в «европейском» так называемом

ressuscitar novamente caso se unisse à verdade do povo, pois

2) Ele foi o primeiro (realmente o primeiro, antes dele não houve ninguém) a nos dar tipos artísticos da beleza russa, que se originaram diretamente do espírito russo, adquirido na sabedoria popular em nossa terra, e por ele nela encontrados. São testemunhas os tipos de Tatiana, uma mulher perfeitamente russa, que se salvou das mentiras superficiais, os tipos históricos como, por exemplo, o *inoch* e outros em “Boris Godunov”, tipos habituais, como em “A filha do Capitão” e muitas outras figuras que surgem em seus poemas, contos, notas e até na “História da Rebelião de Pugatchov”. O principal a salientar especialmente é que todos esses tipos de beleza positiva do homem russo e de sua alma são retirados inteiramente do espírito popular. Pois é necessário dizer toda a verdade: Púchkin apontou essa beleza russa não em nossa civilização atual, não na chamada educação “europeia” (aliás, que nós nunca tivemos), não na feiura das ideias e

образовании (которого у нас, к слову сказать, никогда и не было), не в уродливостях внешне усвоенных европейских идей и форм указал Пушкин эту красоту, а единственно в народном духе нашел её, и только в нем. Таким образом, повторяю, обозначив болезнь, дал и великую надежду: «Уверуйте в дух народный и от него единого ждите спасения и будете спасены». Вникнув в Пушкина, не сделать такого вывода невозможно.

Третий пункт, который я хотел отметить в значении Пушкина, есть та особая характернейшая и не встречаемая кроме него нигде и ни у кого черта художественного гения – способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций, и перевоплощения почти совершенного. Я сказал в моей речи, что в Европе были величайшие художественные мировые гении: Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры, но что ни у кого из них не видим этой способности, а видим её только у Пушкина. Не в отзывчивости одной тут дело, а именно в изумляющей

formas europeias assimiladas externamente, mas a encontrou exclusivamente no espírito popular e apenas nele. Desta maneira, eu repito, ao identificar a doença, ele deu também uma grande esperança: “Confiem no espírito nacional, apenas dele esperem a salvação e assim serão salvos”. Ao se aprofundar em Púchkin, é impossível não chegar a essa conclusão.

O terceiro ponto que eu quis destacar na importância de Púchkin é aquele traço especial mais característico de gênio artístico, não encontrado em lugar algum e em ninguém mais além dele – uma capacidade de empatia universal e de metamorfose em gênios de outras nações, uma metamorfose quase perfeita. Eu disse, em meu discurso, que na Europa havia os maiores gênios artísticos mundiais: Shakespeares, Cervantes, Schillers, mas neles não podemos enxergar essa capacidade, apenas em Púchkin. Não se trata apenas da empatia, mas sim, também da assombrosa totalidade da reencarnação. Eu não podia não notar essa capacidade

полноте перевоплощения. Эту способность, понятно, я не мог не отметить в оценке Пушкина, именно как характернейшую особенность его гения, принадлежащую из всех всемирных художников ему только одному, чем и отличается он от них от всех. Но не для умаления такой величины европейских гениев, как Шекспир и Шиллер, сказал я это; такой глупенький вывод из моих слов мог бы сделать только дурак. Всемирность, всепонятность и неисследимая глубина мировых типов человека арийского племени, данных Шекспиром на веки веков, не подвергается мною ни малейшему сомнению.

И если б Шекспир создал Отелло действительно венецианским мавром, а не англичанином, то только придал бы ему ореол местной национальной характеристики, мировое же значение этого типа осталось бы по-прежнему то же самое, ибо и в итальянце он выразил бы то же самое, что хотел сказать, с такою же силою. Повторяю, не на мировое значение Шекспиров и Шиллеров хотел я посягнуть,

na avaliação de Púchkin, sendo a característica mais especial de seu gênio, dentre todos os artistas mundiais, apenas ele a tem, o que o faz diferente de todos eles. Entretanto, não disse tudo isso para diminuir a grandeza dos gênios europeus, como Shakespeare e Schiller, só um estúpido poderia tirar essa conclusão boba de minhas palavras. O caráter universal, compreensão e profundidade inacessível dos tipos mundiais de pessoas do clã ariano, que foi dado por Shakespeare para a eternidade, isso eu não questiono nem um pouco.

E se Shakespeare realmente tivesse criado Otello como o Mouro de Veneza e, não um inglês, ele poderia apenas ter dado a ele uma auréola de caráter nacional local, porém, o significado universal desse tipo permaneceria o mesmo, pois mesmo como um italiano, ele expressaria a mesma coisa com a mesma força. Repito, não quis atentar contra o significado universal de Shakespeares e Schillers, indicando a capacidade genial de

обозначая гениальнейшую
 способность Пушкина
 перевоплощаться в гении чужих
 наций, а желая лишь в самой этой
 способности и в полноте её отметить
 великое и пророческое для нас
 указание, ибо

4) Способность эта есть всецело
 способность русская, национальная,
 и Пушкин только делит её со всем
 народом нашим, и, как
 совершеннейший художник, он есть
 и совершеннейший выразитель этой
 способности, по крайней мере в
 своей деятельности, в деятельности
 художника. Народ же наш именно
 заключает в думе своей эту
 склонность к всемирной
 отзывчивости и к всепримирению и
 уже проявил её во всё двухсотлетие с
 петровской реформы не раз.
 Обозначая эту способность народа
 нашего, я не мог не выставить в то же
 время, в факте этом, и великого
 утешения для нас в нашем будущем,
 великой и, может быть, величайшей
 надежды нашей, светящей нам
 впереди. Главное, я обозначил то, что
 стремление наше в Европу, даже со
 всеми увлечениями и крайностями

Púchkin de transformar-se em gênio de
 outras nações, mas apenas desejei
 apontar nessa capacidade e totalidade
 uma grande e profética instrução para
 nós, pois

4) Essa capacidade que é nacional e
 completamente russa, Púchkin só a
 compartilha com nosso povo, e como o
 mais perfeito artista, ele é a manifestação
 mais acabada dessa capacidade, pelo
 menos em sua atividade, na atividade de
 um artista. É nosso povo que contém, em
 seu próprio modo de pensar, essa
 tendência à empatia e à reconciliação
 com todos, e já a demonstrou mais de
 uma vez durante o bicentenário da
 reforma de Pedro. Denotando essa
 capacidade de nosso povo, ao mesmo
 tempo, eu não poderia deixar de expor,
 nesse fato, uma grande consolação para
 nós em nosso futuro, grandioso e talvez
 nossa maior esperança, brilhando à
 nossa frente. Mais importante ainda,
 assinala que nossa aspiração à Europa,
 até com todas as paixões e excessos, foi
 não apenas legal e prudente em sua base,
 mas também foi popular, coincidiu
 perfeitamente com as aspirações do

его, было не только законно и разумно, в основании своем, но и народно, совпадало вполне с стремлениями самого духа народного, а в конце концов бесспорно имеет и высшую цель.

В краткой, слишком краткой речи моей я, конечно, не мог развить мою мысль во всей полноте, но, по крайней мере, то, что высказано, кажется, ясно. И не надо, не надо возмущаться сказанным мною, «что нищая земля наша, может быть, в конце концов скажет новое слово миру». Смешно тоже и уверять, что прежде чем сказать новое слово миру «надобно нам самим развиться экономически, научно и гражданственно, и тогда только мечтать о „новых словах“ таким совершенным (будто бы) организмам, как народы Европы». Я именно напираю в моей речи, что и не пытаюсь равнять русский народ с народами западными в сферах их экономической славы или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею

próprio espírito do povo, e no fim das contas, indiscutivelmente, tem um propósito mais elevado.

Em meu curto, extremamente curto discurso, eu, com toda certeza, não pude desenvolver meu pensamento em sua totalidade, entretanto, ao menos o que está expresso, parece claro. E não é preciso, não mesmo, indignar-se com o que digo, “que nossa pobre terra, no final das contas, pode dizer uma nova palavra ao mundo”. Também é cômico afirmar que antes de dizer uma nova palavra ao mundo “precisamos nós mesmos nos desenvolver do ponto de vista econômico, científico e cívico e, apenas então, sonhar com as “novas palavras” para organismos tão perfeitos (aparentemente), como os povos europeus”. Eu precisamente reforço em meu discurso que não estou tentando comparar o povo russo com os povos ocidentais em suas áreas de glória econômica ou científica. Eu só estou dizendo que o espírito russo, que o gênio do povo russo, pode ser o mais capaz dentre todos os povos, de conter em si

всечеловеческого единения,
 братской любви, трезвого взгляда,
 прощающего враждебное,
 различающего и извиняющего
 несходное, снимающего
 противоречия.

Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь нравственная черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что её нет в народе русском? Может ли кто сказать, что русский народ есть только косная масса, осужденная лишь служить экономически преуспеянию и развитию европейской интеллигенции нашей, возвысившейся над народом нашим, сама же в себе заключает лишь мертвую косность, от которой ничего и не следует ожидать и на которую совсем нечего возлагать никаких надежд? Увы, так многие утверждают, но я рискнул объявить иное. Повторяю, я, конечно, не мог доказать «этой фантазии моей», как я сам выразился, обстоятельно и со всею полнотою, но я не мог и не указать на неё.

Утверждать же, что нищая и неурядная земля наша не может

mesmo a ideia de união universal, de amor fraterno, de olhar sóbrio que perdoa o inimigo, que distingue e perdoa os diferentes e que liquida as contradições.

Não se trata de um traço econômico, nem nada do tipo, mas apenas de uma característica moral e há alguém que pode negar ou contestar que ela não existe no povo russo? Alguém pode dizer que o povo russo é somente uma massa inerte, condenada a apenas servir ao sucesso econômico e progresso de nossos intelectuais europeus, que se elevam sobre nosso povo, que encerra em si só a inércia morta, da qual nada deve ser esperado e sobre a qual não se deve depositar qualquer esperança? Infelizmente, muitos declaram isso, porém, eu arrisco dizer o contrário. Repito, eu certamente não pude provar “essa minha fantasia”, como eu mesmo expressei, em detalhes e com toda completude, mas eu não poderia deixar de indicá-la.

Afirmar que a nossa pobre e desordenada terra não pode conter

заклучать в себе столь высокие стремления, пока не делается экономически и гражданственно подобною Западу, - есть уже просто нелепость. Основные нравственные сокровища духа, в основной сущности своей по крайней мере, не зависят от экономической силы. Наша нищая неурядная земля, кроме высшего слоя своего, вся сплошь как один человек. Все восемьдесят миллионов её населения представляют собою такое духовное единение, какого, конечно, в Европе нет нигде и не может быть, а, стало быть, уже по сему одному нельзя сказать, что и нищая. Напротив, в Европе, в этой Европе, где накоплено столько богатств, всё гражданское основание всех европейских наций – всё подкопано и, может быть, завтра же рухнет бесследно на веки векои, а взамен наступит нечто неслыханно новое, ни на что прежнее не похожее. И все богатства, накопленные Европой, не спасут её от падения, ибо «в один миг исчезнет и богатство».

Между тем на этот, именно на этот подкопанный и зараженный их

intenções tão elevadas, enquanto não se igualar ao Ocidente econômica e civilmente é simplesmente um absurdo. Os principais tesouros morais do espírito, basicamente, não dependem da força econômica. Nossa miserável e desordenada terra, exceto seu extrato superior, é inteiramente como se fosse uma única pessoa. Todas as oitenta milhões de pessoas de sua população consistem nessa união espiritual que, evidentemente, inexistente na Europa e não pode haver em nenhum outro lugar, e, então, só por isso já não se pode dizer que seja pobre. Pelo contrário, na Europa, nessa Europa onde foram acumuladas tantas riquezas, onde há todo o fundamento civil de todas as nações europeias – tudo está minado e pode ser que amanhã mesmo desabe sem vestígios para sempre e, no lugar, apareça algo novo, diferente de tudo que era antes. E todas as riquezas acumuladas pela Europa não a salvarão da queda, pois “num instante desaparecerá também a riqueza”.

Entretanto, é exatamente esse sistema civil minado e contaminado que

гражданский строй и указывают народу нашему как на идеал, к которому он должен стремиться, и лишь по достижении им этого идеала осмелиться пролепетать свое какое-либо слово Европе. Мы же утверждаем, что вмещать и носить в себе силу любящего и всеединящего духа можно и при теперешней экономической нищете нашей, да и не при такой еще нищете, как теперь. Её можно сохранять и вмещать в себе даже и при такой нищете, какая была после нашествия Батыева или после погрома Смутного времени, когда единственно всеединящим духом народным была спасена Россия.

И наконец, если уж в самом деле так необходимо надо, для того чтоб иметь право любить человечество и носить в себе всеединящую душу, для того чтоб заключать в себе способность не ненавидеть чужие народы за то, что они непохожи на нас; для того чтоб иметь желание не укрепляться от всех в своей национальности, чтоб ей только одной всё досталось, а другие национальности считать

apontam ao nosso povo como o ideal que ele deve aspirar e só alcançando esse ideal ousar balbuciar qualquer palavra à Europa. Afirmamos que é possível conter e levar em si a força do espírito amoroso e unificador, diante de nossa miséria econômica atual e ainda sem essa miséria de agora. Esse poder que é possível preservar e conter em si, ainda diante da miséria que se estabelecia após a invasão mongol ou após a devastação do Tempo de Dificuldades quando a Rússia foi salva exclusivamente pelo espírito unificador do povo.

Por último, se realmente é tão necessário para ter direito de amar a humanidade e carregar em si a alma unificadora, para conter em si a capacidade de não odiar os outros povos por serem diferentes de nós, para ter desejo de não isolar-se de todos na própria nacionalidade, para que só ela possa tirar vantagem e as outras nacionalidades sejam vistas como um limão que pode ser espremido (e há povos com tal espírito na Europa!), - se, de fato, para conseguir tudo isso, repito,

только за лимон, который можно выжать (а народы такого духа ведь есть в Европе!), - если и в самом деле для достижения всего этого надо, повторяю я, предварительно стать народом богатым и перетащить к себе европейское гражданское устройство, то неужели все-таки мы и тут должны рабски скопировать это европейское устройство (которое завтра же в Европе рухнет)?

Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиваться национально, своей органической силой, а непременно обезличенно, лакейски подражая Европе? Да куда же девать тогда русский-то организм? Понимают ли эти господа, что такое организм? А еще толкуют о естественных науках! «Этого народ не позволит», - сказал по одному поводу, года два назад, один собеседник одному ярому западнику. «Так уничтожить народ!», - ответил западник спокойно и величаво. И был он не кто-нибудь, а один из представителей нашей интеллигенции. Анекдот этот верен.

é necessário primeiro tornar-se um povo rico e assimilar o sistema civil europeu, então será que também temos realmente que copiar servilmente este dispositivo europeu aqui (que colapsará amanhã mesmo na Europa)?

Será que nessa questão, não será permitido para o organismo russo desenvolver-se nacionalmente com seu poder natural e não do jeito despersonalizado, imitando a Europa servilmente? Mas o que fazer com o organismo russo, então? Será que esses senhores entendem o que é organismo? E ainda falam sobre ciências naturais! “Isto o povo não permitirá”, - disse a respeito de um assunto há uns dois anos, um interlocutor a um fervoroso ocidentalista. “Então vamos destruir o povo!” - respondeu o ocidental tranquila e majestosamente. E ele não era qualquer pessoa, mas um dos nossos intelectuais. Essa história é verdadeira.

Четырьмя этими пунктами я обозначил значение для нас Пушкина, и речь моя, повторяю, произвела впечатление. Не заслугами своими произвела она это впечатление (я напирал на это), не талантливостью изложения (соглашаюсь в этом со всеми моими противниками и не хвалюсь), а искренностью её и, осмелюсь сказать это, - некоторою неотразимостью выставленных мною фактов, несмотря на всю краткость и неполноту моей речи. Но в чем же, однако, заключалось «событие»-то, как выразился Иван Сергеевич Аксаков?

А вот именно в том, что славянофилами, или так называемой русской партией (боже, у нас есть «русская партия!»), сделан был огромный и окончательный, может быть шаг к примирению с западниками; ибо славянофилы заявили всю законность стремления западников в Европу, всю законность даже самых крайних увлечений и выводов их и объяснили эту законность чисто русским народным

Com esses quatro pontos eu marquei o significado de Púchkin para nós, e o meu discurso, repito, provocou grande impressão. O discurso provocou essa impressão não devido a seus méritos (eu ressalto isso), não devido à maneira talentosa de expressão (concordo nisso com todos os meus adversários e não me gabo), mas devido a sinceridade dele e, ousou dizer, a irrefutabilidade dos fatos que foram apresentados, apesar de meu discurso ser tão curto e incompleto. No entanto, o que foi o “acontecimento”, como Ivan Serguêievitch Aksákov expressou?

Pois exatamente naquele fato que os eslavófilos ou o chamado partido russo (Deus, temos o “partido russo”!) fizeram grande e, talvez, definitivo passo à conciliação com os ocidentalistas; pois os eslavófilos declararam toda a legitimidade da tendência dos ocidentalistas à Europa, toda a legitimidade até dos intentos e conclusões mais extremos deles, e explicaram essa legitimidade com a nossa pura tendência russa que coincide

стремлением нашим, совпадаемым с самим духом народным. Увлечения же оправдали – историческою необходимостью, историческим фатумом, так что в конце концов и в итоге, если когда-нибудь будет он подведен, обозначится, что западники ровно столько же послужили русской земле и стремлениям духа ее, как и все те чисто русские люди, которые искренно любили родную землю и слишком, может быть, ревниво оберегали ее доселе от всех увлечений "русских иноземцев".

Объявлено было, наконец, что все недоумения между обеими партиями и все злые препирания между ними были доселе лишь одним великим недоразумением. Вот это-то и могло бы стать, пожалуй, "событием", ибо представители славянофильства тут же, сейчас же после речи моей, вполне согласились со всеми ее выводами. Я же заявляю теперь - да и заявил это в самой речи моей, - что честь этого нового шага (если только искреннейшее желание примирения составляет честь), что заслуга этого нового, если хотите,

com o espírito do povo. Os intentos foram justificados pela necessidade histórica, pelo fado histórico, portanto, no fim das contas, podemos resumir que estará claro que os ocidentalistas serviram à terra russa e às tendências do seu espírito do mesmo jeito que todas aquelas pessoas puramente russas, que amavam sinceramente a terra natal e protegiam-na zelosamente, e talvez até demais, de todos os intentos dos "estrangeiros russos" até agora.

No fim, foi anunciado que toda perplexidade entre os dois partidos e todas as más discussões entre eles foram até agora apenas um grande mal-entendido. Isso provavelmente pode ser o "acontecimento", pois os representantes eslavófilos, logo após meu discurso, bem concordaram com todas as conclusões dele. Declaro agora, assim como declaro em meu discurso, que a honra desse novo passo (se apenas o mais sincero desejo de reconciliação representar uma honra), que esse novo mérito, se quiserem, não pertencem apenas a mim, mas a todos os eslavófilos,

слова вовсе не мне одному принадлежит, а всему славянофильству, всему духу и направлению "партии" нашей, что это всегда было ясно для тех, которые беспристрастно вникали в славянофильство, что идея, которую я высказал, была уже не раз если не высказываема, то указываема ими.

Я же сумел лишь вовремя уловить минуту. Теперь вот заключение: если западники примут наш вывод и согласятся с ним, то и впрямь, конечно, уничтожатся все недоразумения между обеими партиями, так что "западникам и славянофилам не о чем будет и спорить, как выразился Иван Сергеевич Аксаков, так как всё отныне разъяснено". С этой точки зрения, конечно, речь моя была бы "событием". Но увы, слово "событие" произнесено было лишь в искреннем увлечении с одной стороны, но примется ли другою стороною и не останется лишь в идеале, это уже совсем другой вопрос. Рядом с славянофилами, обнимавшими меня и жавшими мне руку, тут же на эстраде, едва лишь я сошел с

a todo espírito e direção de nosso "partido" que sempre foi claro para aqueles que analisam parcialmente no eslavofilismo que a ideia que levantei já foi mais de uma vez, se não expressa, indicada por eles.

Eu apenas consegui em tempo capturar um momento. Agora eis a conclusão: se os ocidentalistas aceitarem nossa conclusão e concordarem com ela, então, com certeza, todos os mal-entendidos entre ambos os partidos serão destruídos, já que "ocidentalistas e eslavófilos não têm nada a discutir", como disse Ivan Serguêievitch Aksákov, já que, "de agora em diante, tudo está esclarecido". Nesse sentido, meu discurso certamente seria um "acontecimento". Entretanto, infelizmente, a palavra "acontecimento" foi pronunciada com entusiasmo sincero apenas de um lado, mas se será aceita pelo outro lado e não permanecerá apenas no ideal, realmente já é outra questão. Ao lado dos eslavófilos que me abraçavam e apertavam minha mão, lá mesmo no palco, assim que saí do

кафедры, подошли ко мне пожать мою руку и западники, и не какие-нибудь из них, а передовые представители западничества, занимающие в нем первую роль, особенно теперь.

Они жали мне руку с таким же горячим и искренним увлечением, как славянофилы, и называли мою речь гениальной, и несколько раз, напирая на слово это, произнесли, что она гениальна. Но боюсь, боюсь искренно: не в первых ли "попыхах" увлечения произнесено было это! О, не того боюсь я, что они откажутся от мнения своего, что моя речь гениальна, я ведь и сам знаю, что она не гениальна, и несколько не был обольщен похвалами, так что от всего сердца прощу им их разочарование в моей гениальности, - но вот что, однако же, может случиться, вот что могут сказать западники, чуть-чуть подумав (Nota bene, я не об тех пишу, которые жали мне руку, я лишь вообще о западниках теперь скажу, на это я напираяю): "А, скажут, может быть, западники (слышите: только "может

púlpito, também os ocidentalistas vieram até mim para apertar minha mão e não qualquer um deles, mas os principais representantes do ocidentalismo que, especialmente agora, nele assume papel principal.

Eles apertavam minha mão com o mesmo entusiasmo ardente e sincero que os eslavófilos e chamavam o meu discurso de genial e, algumas vezes, ressaltando a palavra, diziam novamente. Mas temo, temo sinceramente: será que não foi dito no entusiasmo inicial? Oh, não temo que desistirão da opinião deles de que meu discurso é genial, pois eu mesmo sei que não é genial e nem mesmo fui seduzido pelos elogios, então perderei de todo o coração a decepção em minha genialidade; - mas eis o que, no entanto, podem dizer os ocidentalistas ao pensar um pouco (Nota bene, não estou escrevendo sobre aqueles que me apertavam a mão, eu direi agora sobre os ocidentalistas em geral, estou ressaltando isso): "Ah, - talvez os ocidentalistas dirão (ouçam: apenas "talvez", nada além), - ah, então vocês concordaram finalmente depois das

быть", не более), - а, вы согласились-таки наконец после долгих споров и препираний, что стремление наше в Европу было законно и нормально, вы признали, что на нашей стороне тоже была правда, и склонили ваши знамена, - что ж, мы принимаем ваше признание радушно и спешим заявить вам, что с вашей стороны это даже довольно недурно: обозначает, по крайней мере, в вас некоторый ум, в котором, впрочем, мы вам никогда не отказывали, за исключением разве самых тупейших из наших, за которых мы отвечать не хотим и не можем, но... тут, видите ли, является опять некоторая новая запятая, и это надобно как можно скорее разъяснить.

Дело в том, что ваше-то положение, ваш-то вывод о том, что мы в увлечениях наших совпадали будто бы с народным духом и таинственно направлялись им, ваше-то это положение - все-таки остается для нас более чем сомнительным, а потому и соглашение между нами опятьтаки становится невозможным. Знайте, что мы направлялись

longas discussões e debates que nossa aspiração à Europa era legítima e normal, vocês reconheceram que nosso ponto de vista também era verdadeiro, e curvaram suas bandeiras, - então nós aceitamos seu reconhecimento cordialmente e apressamo-nos a dizer-lhes que até que foi bom de sua parte: pelo menos mostra em vocês uma certa inteligência, da qual nunca duvidamos, com exceção dos mais burros entre nós pelos quais não podemos, nem queremos nos responsabilizar, porém... aqui, no entanto, surge mais um obstáculo que deve ser esclarecido mais rápido possível.

O ponto é que a sua situação, sua conclusão sobre o fato de que nós, em nossos interesses, supostamente coincidimos o espírito do povo e misteriosamente fomos guiados até ele, essa sua posição - ainda assim, permanece mais que questionável para nós e, por isso, um acordo entre nós torna-se novamente impossível. Saiba que nós fomos enviados pela Europa,

Европой, наукой ее и реформой Петра, но уж отнюдь не духом народа нашего, ибо духа этого мы не встречали и не обоняли на нашем пути, напротив оставили его назади и поскорее от него убежали. Мы с самого начала пошли самостоятельно, а вовсе не следуя какому-то будто бы влекущему инстинкту народа русского ко всемирной отзывчивости и к всеединению человечества, - ну, одним словом, ко всему тому, о чем вы теперь столько наговорили.

В народе русском, так как уж пришло время высказаться вполне откровенно, мы по-прежнему видим лишь косную массу, у которой нам нечему учиться, тормозящую, напротив, развитие России к прогрессивному лучшему, и которую всю надо пересоздать и переделать, - если уж невозможно и нельзя органически, то, по крайней мере, механически, то есть попросту заставив ее раз навсегда нас слушаться, во веки веков. А чтобы достигнуть сего послушания, вот и необходимо усвоить себе гражданское устройство точь-в-точь

pela sua ciência e reforma de Pedro, mas de jeito nenhum pelo espírito do nosso povo, pois esse é um espírito que nem sequer conhecemos ou farejamos em nosso caminho, pelo contrário, o deixamos para trás e dele fugimos o mais rapidamente possível. Desde o início, seguimos sozinhos e, definitivamente, sem seguir algum instinto de empatia universal e união da humanidade, - bem, resumindo, tudo o que os vem dizendo à exaustão.

Já que é hora de falar francamente, nós ainda vemos apenas uma massa inerte no povo russo, com a qual não temos nada o que aprender, pelo contrário, inibe o desenvolvimento da Rússia até um progresso melhor, e que precisa ser totalmente revisada e refeita, - se já é impossível e organicamente improvável, então, pelo menos mecanicamente, isto é, simplesmente forçando-a de uma vez por todas a nos obedecer no final das contas. E para conseguir essa obediência, é necessário, portanto, assimilar uma dispositivo civil, exatamente como nas terras europeias, sobre o qual se estava falando justamente

как в европейских землях, о котором именно теперь пошла речь. Собственно же народ наш нищ и смерд, каким он был всегда, и не может иметь ни лица, ни идеи. Вся история народа нашего есть абсурд, из которого вы до сих пор черт знает что выводили, а смотрели только мы трезво. Надобно, чтоб такой народ, как наш, - не имел истории, а то, что имел под видом истории, должно быть с отвращением забыто им, всё целиком. Надобно, чтоб имело историю лишь одно наше интеллигентное общество, которому народ должен служить лишь своим трудом и своими силами.

Позвольте, не беспокойтесь и не кричите: не закабалить народ наш мы хотим, говоря о послушании его, о, конечно нет! не выводите, пожалуйста, этого: мы гуманны, мы европейцы, вы слишком знаете это. Напротив, мы намерены образовать наш народ помаленьку, в порядке, и увенчать наше здание, вознеся народ до себя и переделав его национальность уже в иную, какая там сама наступит после образования его. Образование же его

agora. Nosso povo, na realidade, é pobre e tem mal cheiro, como sempre foi, e não pode ter nem uma face, nem uma ideia. Toda a história de nosso povo é absurda, da qual até agora sabe-se lá o que diabos deduziram, enquanto apenas nós assistimos sóbrios. É preciso que o povo como o nosso não tenha uma história e o que tinha tido como história seja esquecido completamente pelo povo com aversão. É preciso que apenas na sociedade intelectual, a qual o povo deve servir com seu labor e forças, tenha história.

Esperem, não se incomodem e nem gritem: falando sobre a obediência do povo, não queremos escravizá-lo, claro que não! Não façam, por favor, essa conclusão: somos humanos, somos europeus, vocês sabem disso muito bem. Pelo contrário, nós temos a intenção de educar nosso povo pouco a pouco e minuciosamente elevá-lo ao nosso nível, reformando a nacionalidade dele em uma outra que surgirá naturalmente logo após a sua educação. Pois nós fundaremos a educação dele e

мы оснуем и начнем, с чего сами начали, то есть на отрицании им всего его прошлого и на проклятии, которому он сам должен предать свое прошлое. Чуть мы выучим человека из народа грамоте, тотчас же и заставим его нюхнуть Европы, тотчас же начнем обольщать его Европой, ну хотя бы утонченностью быта, приличий, костюма, напитков, танцев, - словом, заставим его устыдиться своего прежнего лаптя и квасу, устыдиться своих древних песен, и хотя из них есть несколько прекрасных и музыкальных, но мы все-таки заставим его петь рифмованный водевиль, сколь бы вы там ни сердились на это.

Одним словом, для доброй цели мы, многочисленнейшими и всякими средствами, подействуем прежде всего на слабые струны характера, как и с нами было, и тогда народ - наш. Он застыдится своего прежнего и проклянет его. Кто проклянет свое прежнее, тот уже наш, - вот наша формула! Мы ее всецело приложим, когда примемся возносить народ до себя.

começaremos com aquilo que nós mesmos iniciamos, isto é, com a negação de todo o seu passado e na maldição à qual ele próprio deve trair o seu passado. Assim que um indivíduo do povo for instruído, imediatamente nós o forcemos a lidar com a Europa, começaremos a seduzi-lo com a Europa, pelo menos com o modo de vida, costumes, roupas, bebidas, danças, todos refinados, isto é, o forcemos a envergonhar-se de seu antigo macarrão e *kvas*, a envergonhar-se de suas antigas canções, mesmo que entre elas haja algumas músicas maravilhosas e melodiosas, portanto, nós, apesar de tudo, o forcemos a cantar um vaudeville rimado, não importa o quão irritados vocês fiquem com isso.

Resumindo, para este bom objetivo, nós, pelos meios mais numerosos e de todos os tipos, primeiro agiremos sobre as cordas fracas do caráter, como aconteceu conosco, e então o povo será nosso. Ele se envergonhará de seu passado e o amaldiçoará. Quem amaldiçoa seu passado, já é nosso - eis nossa fórmula! Vamos aplicá-la plenamente quando começarmos a elevar o povo até o nosso nível.

Если же народ окажется неспособным к образованию, то - "устранить народ". Ибо тогда выставится уже ясно, что народ наш есть только недостойная, варварская масса, которую надо заставить лишь слушаться. Ибо что же тут делать: в интеллигенции и в Европе лишь правда, а потому хоть у вас и восемьдесят миллионов народу (чем вы, кажется, хвастаетесь), но все эти миллионы должны прежде всего послужить этой европейской правде, так как другой нет и не может быть. Количественно же миллионов нас не испугаете. Вот всегдашний наш вывод, только теперь уж во всей наготе, и мы остаемся при нем. Не можем же мы, приняв ваш вывод, толковать вместе с вами, например, о таких странных вещах, как *le Pravoslavié* и какое-то будто бы особое значение его. Надеемся, что вы от нас хотя этого-то не потребуете, особенно теперь, когда последнее слово Европы и европейской науки в общем выводе есть атеизм, просвещенный и

Se o povo for inapto à educação, então "eliminaremos o povo". Pois, então, estará claro que nosso povo é somente uma massa indigna e bárbara, que precisa apenas ser forçada a obedecer. Pois então o que fazer: a verdade existe apenas dentre os intelectuais e na Europa e, por isso, mesmo que o país tenha oitenta milhões de camponeses (do que vocês parecem se vangloriar), entretanto, todos esses milhões devem, primeiramente, servir à essa verdade europeia, porque não há e nem haverá uma outra. Vocês, certamente, não nos assustarão com esses milhões. Eis o nosso ponto de vista constante, dessa vez, em toda sua clareza e permaneceremos com ele. Porque ao aceitar a conclusão de vocês, nós não podemos conversar, por exemplo, sobre tais coisas estranhas, como a "*le Pravoslavié*" (Ortodoxia) e qualquer importância dela. Esperamos que vocês não exijam, pelo menos isso, de nós, especialmente agora quando a última tendência na Europa e ciência europeia, no geral, é o ateísmo iluminado e humano e não podemos deixar de segui-lo.

гуманный, а мы не можем же не идти за Европой.

А потому ту половину произнесенной речи, в которой вы высказываете нам похвалы, мы, пожалуй, согласимся принять с известными ограничениями, так и быть, сделаем вам эту любезность. Ну, а ту половину, которая относится к вам и ко всем этим вашим "началам" - уж извините, мы не можем принять..." Вот какой может быть грустный вывод. Повторяю: я не только не осмелюсь вложить этот вывод в уста тех западников, которые жали мне руку, но и в уста многих, очень многих, просвещеннейших из них, русских деятелей и вполне русских людей, несмотря на их теории, почтенных и уважаемых русских граждан. Но зато масса-то, масса-то оторвавшихся и отщепенцев, масса-то вашего западничества, середина-то, улица-то, по которой влачится идея, - все эти смерды-то "направления" (а их как песку морского), о, там непременно наскажут в этом роде и, может быть, даже уж и насказали. (Nota bene. Насчет веры, например,

E, por isso, talvez acertemos, com certas limitações, aquela metade do discurso em que vocês nos louvam, tudo bem, nós lhes daremos essa cortesia. Mas aquela metade que se refere a vocês e as suas tais "origens", - desculpem, mas não pode ser aceita...".

Eis a triste conclusão que pode ser tirada. Repito: não ousarei colocar essa conclusão na boca daqueles ocidentalistas que me apertavam a mão, nem na boca de muitos, muitos outros, mais educados, estadistas russos e pessoas plenamente russas, apesar de suas teorias, veneráveis e respeitáveis cidadãos russos. Mas, então, a massa, aquela massa de apartados e renegados, a massa da ocidentalidade, o meio, a via pela qual a ideia está sendo arrastada, - todos os plebeus da "tendência" (e há muitos, como a areia do mar), aqueles sem dúvida dirão muitas coisas nessa maneira, e pode ser que já disseram. (Nota bene. A respeito da fé, por exemplo, já foi declarado em uma publicação, com toda a sua originalidade, que o objetivo dos

уже было заявлено в одном издании, со всем свойственным ему остроумием, что цель славянофилов - это перекрестить всю Европу в православие.)

Но отбросим мрачные мысли и будем надеяться на передовых представителей нашего европеизма. И если они примут хоть только половину нашего вывода и наших надежд на них, то честь им и слава и за это, и мы встретим их в восторге нашего сердца. Если даже одну половину примут они, то есть признают хоть самостоятельность и личность русского духа, законность его бытия и человеколюбивое, всеединящее его стремление, то и тогда уже будет почти не о чем спорить, по крайней мере из основного, из главного. Тогда действительно моя речь послужила бы к основанию нового события. Не она сама, повторяю в последний раз, была бы событием (она не достойна такого наименования), а великое Пушкинское торжество, послужившее событием нашего единения - единения уже всех образованных и искренних русских

eslavófilos é batizar toda a Europa na Ortodoxia.)

Mas deixemos de lado os pensamentos sombrios e vamos contar com os principais representantes de nosso europeísmo. E se eles aceitarem apenas metade de nossa conclusão e nossas expectativas sobre eles, então honra e glória a eles por isso, nós os encontraremos emocionados em nossos corações. Se eles aceitarem ao menos uma metade, isto é, reconhecerem alguma autonomia e identidade do espírito russo, sua legitimidade de existência e filantropia, seu total cometimento, então já não há quase nada sobre o que discutir, pelo menos do primário, do essencial. Então, de fato, meu discurso tenha servido como a fundação de um novo acontecimento. Não ele por si, repito pela última vez, seria um acontecimento (ele não é digno de tal nome), entretanto, a grande celebração de Púchkin, que serviu como acontecimento para nossa união - a união de todos os russos sinceros e

людей для будущей прекраснейшей
цели.

educados por um fim mais belo no
futuro.

Referências

ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М. Полное
собрание сочинений, т. 26.
Ленинград, Наука, 1984, сс.129-149.
Disponível em

http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/t_ext_0340.shtml. Acesso em 9 de
fevereiro de 2024.

GOMIDE, B. B. (org.) Antologia do
pensamento crítico. São Paulo: 34, 2013.